

**ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ИСТОКИ И ПРЕСКРИПТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
Колесниченко Н.Ю.**

доктор педагогических наук, профессор,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Статья посвящена исследованию гендерной лингвистики, её истоков и направлений. Гендерные лингвисты проделали огромную работу в поисках доказательств андроцентричности языка. Наиболее впечатляющие результаты дали лексикографические разыскания. Анализ словарного фонда немецкого и английского языков показал существенную асимметричность в наименованиях профессий, титулов, должностей: социально престижные позиции представлены только мужским родом (der Architekt, der Doktor, President, House of Lords), тогда, как низы социальной иерархии отданы женщинам (maid, panny, Putzfrau). Обнаруженная гендерная асимметрия привела к началу прескриптивной лингвистической деятельности – выправлению языкового гендерного неравенства, что выразилось во введении в словарь параллельных форм женского рода, сформированных либо аффиксальным, либо композитным образом (Professor/Professorin; Frau Professor; M-me Professor), или замене гендерно маркированной лексемы нейтральной (chairman→chairperson; stewardess→flight attendant). Лексикографические предложения гендерологов стали частью «политически корректного словаря» по обе стороны океана. Однако, «тотальная феминизация словаря» (totale Feminisierung) вызвала негативную реакцию более умеренно настроенных филологов. Соглашаясь с необходимостью более взвешенного подхода к феномену «мужское/женское» в обществе и в языке, отметим при этом несомненные заслуги феминистского движения, приведшие к пересмотру гендерных стереотипов, доминировавших в социуме, сознании и культуре на протяжении всего развития человечества.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, феминизм, гендерный стереотип

**ГЕНДЕРНА ЛІНГВІСТИКА:
ВИТОКИ І ПРЕСКРИПТИВНИЙ НАПРЯМОК
Колесниченко Н.Ю.**

доктор педагогічних наук, професор,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Стаття присвячена дослідженню гендерної лінгвістики, її витоків і напрямків. Гендерні лінгвісти виконали величезну роботу в пошуках доказів андроцентричності мови. Найбільш вражаючі результати дали лексикографічні розвідки. Аналіз словникового фонду німецької та англійської мов показав істотну асиметричність в найменуваннях професій, титулів, посад: соціально престижні позиції представлені тільки чоловічим родом (der Architekt, der Doktor, President, House of Lords), тоді, як низи соціальної ієрархії віддані жінкам (maid, panny, Putzfrau). Виявлена гендерна асиметрія призвела до початку прескриптивної лінгвістичної діяльності – виправленню мовної гендерної нерівності, що виразилося у введенні в словник паралельних форм жіночого роду, сформованих або афіксальним, або композитним чином (Professor / Professorin; Frau Professor; M-me Professor), або заміні гендерно маркованої лексеми нейтральною (chairman → chairperson; stewardess → flight attendant). Лексикографічні пропозиції гендерології стали частиною «політично коректного словника» по обидва боки океану. Однак, «тотальна фемінізація словника» (totale Feminisierung) викликала негативну реакцію більш помірковано налаштованих філологів. Погоджуючись з необхідністю більш зваженого підходу до феномену «чоловіче / жіноче» в суспільстві і в мові, відзначимо при цьому безсумнівні заслуги феміністського руху, що при-

звели до перегляду гендерних стереотипів, які домінували в соціумі, свідомості і культурі протягом усього розвитку людства.

Ключові слова: гендерна лінгвістика, фемінізм, гендерний стереотип.

GENDER LINGUISTICS: ORIGINS AND PRESCRIPTIVE TREND Kolesnichenko N.Yu.

doctor of pedagogical sciences, professor,
Odessa I.I. Mechnikov national university

The article is devoted to the study of gender linguistics, its origins and main trends. Gender linguists have done a great job in finding evidence of the androcentricity of the language. The most impressive results were obtained by lexicographical investigations. Analysis of the vocabulary of the German and English languages showed a significant asymmetry in the names of professions, titles, positions: socially prestigious positions are represented only by the masculine gender (der Architekt, der Doktor, President, House of Lords), while the lower classes of the social hierarchy are given to women (maid, nanny, Putzfrau). The revealed gender asymmetry led to the beginning of prescriptive linguistic activity – the elimination of linguistic gender inequality, which was expressed in the introduction into the dictionary of parallel forms of the feminine, formed either affixively or in a composite way (Professor / Professorin; Frau Professor; M-me Professor), or the replacement of gender marked lexemes by neutral ones (chairman → chairperson; stewardess → flight attendant). The lexicographic proposals of gender scientists have become part of a “politically correct vocabulary” on both sides of the ocean. However, the “total feminization of the dictionary” (totale Feminisierung) provoked a negative reaction from more moderate philologists. Agreeing with the need for a more balanced approach to the phenomenon of “masculine / feminine” in society and in the language, we note the undoubted merits of the feminist movement, which led to the revision of gender stereotypes that dominated society, consciousness and culture throughout the development of mankind.

Key words: gender linguistics, feminism, gender stereotype.

Введение

Если гендерные исследования в области политических и социальных наук были нацелены прежде всего на доказательство равенства полов, гендерная филология – как лингвистика, так и поэтика – сконцентрировалась на поисках различий между мужской и женской когницией и, соответственно, её отражением в языковой картине мира. Лингвистические исследования, проводимые в гендерном аспекте, объединяются в разных терминологиях, в «лингвистическую гендерологию», «гендерную лингвистику», «гендергетику», «феминистскую лингвистику» *feminist linguistics, feministische Linguistik*.

Гендерология обратилась к структурам языка, признавая их решающую роль в механизмах культурной репрезентации пола, что позволило осветить области построения и функционирования языка, не исследованные ранее, и внесло существенный вклад в лингвистику и теорию речевого поведения.

Результаты и обсуждение

Важность гендерного направления в лингвистике не отрицают даже представители противоположных взглядов на феминизм и его роль в создании гендерологии. Андроцентризм непосредственно связан с понятием языкового *сексизма* – использования языка «для критики, унижения, дениграции женщин, что соотносительно с расизмом, где дискриминация осуществляется не по половому, а по расовому признаку» (Lakoff 1975: 35).

Сексизм в языке можно сформулировать, по мнению Венди Мартины, профессора Стэнфордского университета, как «мужской подход к языку» - *the he/man approach to language* (Martyna 1978: 131).

Люси Иригарей, в отличие от многих других представителей феминизма, усматривающих сексизм языка в отдельных лексических значениях, синтаксических конструкциях, фразеологических единицах, считает, что «мужчина создаёт язык, чтобы соприкоснуться с собой <...>, и синтаксис [философского] дискурса, дискурсивной логики и, в более общем виде, синтаксис общественного порядка, т.е. политический синтаксис <...> – всегда своего рода самоаффект, <...> репрезентация самого себя <...> как единственного эталона <...>. В отличие от мужского, затвердевшего языка, женский язык текуч, в нём важную роль играют интонация, ритм, игра со значением слова и его частей. Он настолько свободен, что метаязыка для его описания нет» (Irigaray 1977: 65-68).

Одновременно с крайними феминистическими взглядами в гендерной лингвистике присутствует и более умеренная точка зрения: «гендерная концепция сложилась сравнительно недавно, в то время как понятие *пол* (*sexus*) отражено в наивной картине мира, в которой отсутствует понимание социокультурной составляющей пола. Язык фиксирует наивную картину мира <...>. Гендер же – элемент современной научной модели человека» (Кирилина 2000: 22).

В общей своей массе гендерные лингвистические исследования представлены двумя основными направлениями: 1) словарно-языковым и 2) коммуникативно-речевым, хотя труды основоположниц гендерной лингвистики касаются и языка (прежде всего словаря), и речевого поведения.

Первое направление непосредственно связано с состоявшимися в предшествующие десятилетия (иногда даже столетия) исследованиями словарного состава языка, категории грамматического рода и его представленности в языке, фразеологического фонда, пропозициональной и синтаксической структуры предложения. Теоретики XIX – начала XX вв. предполагали, что трёхродовая грамматическая система индоевропейских языков развилась из более древней двухклассной системы, исходившей из оппозиции «одушевлённость» vs «неодушевлённость» или из оппозиции «активность» vs «пассивность». При этом и они, и последующие поколения грамматистов не отождествляли грамматическую категорию рода с оппозицией биологических полов, ибо, во-первых, имеет место их несоответствие – так называемый «обоюдный род» - напр. *ласточка, kum, die Maus, das Kind*, т.е. одна и та же грамматически заявленная форма служит для выражения обоих полов; и, во-вторых, морфологическое оформление пола нередко вообще отсутствует в языке, что связано с историей развития последнего и зависит от устойчивости синтетизма в системе словоизменения: так, в английском языке, например, родовые противопоставления в именах полностью утрачены и восстанавливаются только при помощи анафорических *he, she, it*.

Первые протесты гендерных лингвистов и их упрёки в андроцентричности существующих воззрений на грамматический род и его представлен-

ность прозвучали в адрес ситуации, имеющей место во флективных языках (как, например, немецкий, украинский, русский), словоизменительная система которых предусматривает параллельность грамматических форм, соответствующих биологическому полу референтов. Действительно, при наличии пар *работник/работница*, *робітник/робітниця*, *der Schüler/die Schülerin*, обозначения женского рода для лексем, напр., *профессор*, *доктор*, *гений* (*der Genius*) отсутствуют. Более того, в немецком и английском языках словоизменительный родовой суффикс (*-in*, *-ess*) присоединяется к соответствующим существительным мужского рода – *der Professor/die Professorin*, *actor/actress*, *der Doktor/die Doktorin*, *tiger/tigress* и под., что несомненно свидетельствует о практике закрепления мужского рода за нейтральными понятиями, т.е. отражает традиционно патриархатный подход ко всем явлениям языка и культуры. Действительно, названия профессий, должностей, званий асимметрично склоняются в маскулинность – ср. *академик*, *профессор*, *доктор*, *инженер*, *биолог* и т.п. – как в славянских, так и в германских языках. Гендерная асимметрия языка, т.е. его андроцентризм основывается на отождествлении понятий «человек» и «мужчина», что ведёт, в частности, к недифференцированному употреблению местоимения мужского рода *he* для обозначения референтов обоих полов. *He* как способ общеродовой референции базируется не на грамматических, этимологических, структурных – т.е. не на собственно языковых признаках, а на сексистском стереотипе мужского превосходства над женщиной. Тем более, что *they* как обозначение антецедента в ед. ч. было достаточно широко распространено в английском языке до середины XIX в.

Большинство гендерных лингвистов 60-х – 80-х гг. XX в. в своих исследованиях исходили из двух основных тезисов: «язык не только отражает [картину мира], но и создаёт её, во-первых; в языке зафиксировано превосходство мужчины, и оно обнаруживается на всех уровнях и аспектах построения речи, во-вторых» (Edelski 1991: 328).

В доказательство своей правоты исследовательницы привлекают данные из разных областей языкознания, в том числе, из истории языка. В работах разных авторов прослеживается этимологическое развитие ряда современных обозначений женщины – например *housewife*, *governess*, *mistress*, *hussy* потеряли своё исходное положительное или оценочно-нейтральное значение, что позволяет говорить о гендерной семантической деградации. К этому же процессу следует отнести рост синонимических полей вокруг наименований женской интимной сферы и «жриц любви».

Патриархатность языка, его мужская направленность констатируется не только англоязычными, но и немецкоязычными исследовательницами. «Первой среди равных» здесь выступает Луиза Пуш, многочисленные публикации которой не только научно выверены, но и остроумно написаны. Она будоражит аудиторию «наивными» вопросами: все знают максимуму *Alle Menschen werden Brüder*. А как насчёт *Alle Mensehen werden Schwestern*?¹

¹ Ср. тж. известное в славянских языках выпить на брудершафт *auf Brüderschaft trinken* и возможность замены «сексистского» существительного на *Schwesterschaft/Geschwisterschaft*.

Или аналогично: *Die Deutschen sind tüchtige Soldaten. Die Deutschen sind tüchtige Hausfrauen?* (Pusch 1990). Почему *die Deutschen* – это немцы-мужчины, а о немках нужно сказать *die deutschen Frauen*, где *deutschen* пишется с маленькой буквы? Ещё одну максиму *Ein Mensch ist immer ein Mann* она преобразует во множ. ч.: *Wir Männchen* [ibid, 156]. Или рассуждает о том, что во многих житейских ситуациях параллельно задействованы *Damen/Herren*.

Прочитированные и подобные лингвистические виньетки публиковались в 1978-1991 гг. и в 1991 г. были присоединены под общим заголовком *Glosses* к её знаменитому исследованию 1984-го года «Немецкий язык мужчин. Диагноз и лечение». Оно вышло единым томом и до сих пор остаётся классическим образцом немецкой гендерной лингвистики. Л. Пуш первой подняла вопрос о «женском суффиксе *-in*»: при возможности использования родового артикля (*die Professor, die Schriftsteller*) в качестве показателя пола в единственном числе, «женскость» не находит своего отражения во множественном числе, если не воспользоваться соответствующим суффиксом. Более того, даже при наличии родового суффикса (*der Student/die Studentin*), множ. число всё равно покажет *die Studenten*, так же, как *die Frau/der Mann* в общем наименовании дают *die Menschen*, относящиеся к мужскому роду (Pusch 1991: 51-54).

В своей статье, написанной в 1983 г. на материале примеров, которыми классический *Duden* иллюстрирует значение слов, словарные статьи только первой буквы алфавита используют формы *ihm, ihn* в 5 раз чаще, чем *ihr*, причём *er* демонстрирует положительные качества, тогда как на протяжении всего словаря женским родом иллюстрируются примеры, во-первых, реже, а, во-вторых, не в самом позитивном виде. Напр.: *Er hat das Examen mit Auszeichnung absolviert; Er war allseits beliebt; Unendliche Kraft strömte von ihm aus.* «Она» в этой же букве «А» занимается детьми и хозяйством: *Sie seifte die Kinder in der Wanne ab; Sie kehrte den Schmutz von der Treppe ab; Sie nähte einen Knopf an den Rock* etc. Неслучайно статья довольно едко озаглавлена *Sie sah zu ihm wie zu einem Gott: Das Duden Bedeutungswörterbuch als Trivialroman* (Pusch 1991: 135-143).

Стереотипность мужского представления о женщине как о существе низшего порядка зафиксирована в языке – в узуальных метафорах, уничижительно называющих женские гениталии, беременность, роды, в пословицах, несправедливо обвиняющих женщин в глупости, недалёковидности, болтливости. Словарный и фразеологический фонд языка даёт многочисленные доказательства сексизма. Ср. напр., такие устоявшиеся фразы, как *Frauen, Pferde und Ohren soll man nicht verleihen. / Pferde und Frauen muss man genau beschauen. / Das Weib und der Ofen sind eine Hauszierde* (Красавский 1996). В приведенных примерах женщину ставят в один ряд с домашней скотиной и утварью. «5005 пословиц и поговорок» (Fink-Hemslar 1996) дают возможность продолжить эту неприглядную картину: *Was der Teufel nicht weiß, das weiß ein altes Weib. / Frommelnden Frauen sind zu Trauen. / Wem zu wohl ist, der nehme ein Weib.* Однако, это же весьма полное собрание изречений, отражающих сложившийся стереотип немецкой культуры,

изредка показывает и иную сторону отношения к женщине: *Ohne Frauen keine Freude. / Eine Frauenhand findet immer zu tun. / Eine gute Frau hat immer recht* (Das große Redensartenbuch).

Асимметрия в словарном наименовании лиц мужского и женского пола привлекла внимание украинских и русских лингвистов значительно раньше, чем эта проблема начала обсуждаться как гендерная по обе стороны Атлантического океана, о чём свидетельствуют многочисленные работы 60-х – начала 70-х годов.

Словарь неслучайно стал одним из приоритетов гендерных исследований: «именно лексический состав языка, в связи с динамичностью происходящих в нём процессов, лучше всего поддаётся наблюдению и изучению» (Задорожний 2000: 245). «Словарь неизменно выступает как приём, метод, способ, средство познания языкового явления» (Девкин 2000: 6).

Необходимость, результативность и перспективность лексикографического направления не вызывает сомнений. При этом, однако, включение в словарную работу гендерного аспекта требует учёта ряда факторов, таких, например, как хронологическая маркированность лексемы, социокультурные и идеологические рестрикции в концепции словаря, ибо гендер является «плавающим параметром, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций» (Кирилина 2002: 10).

Описание культурных концептов и национальных стереотипов средствами лексикографии имеет, с одной стороны, давнюю традицию, а, с другой стороны, основывается сегодня на новых данных междисциплинарных исследований и межкультурной коммуникации. Исследования феномена дуализма мужского и женского начал как одной из фундаментальных культурных категорий, включающей социальные оценки роли мужчин и женщин, базируются на выявлении *динамики* гендерных компонентов. Они могут быть представлены в виде концептов и стереотипов в различных типах текста и дискурса, в том числе, и в лексикографии. Даже общее сравнение предлагаемых в словарях (различных жанров и различных лет и изданий) дефиниций таких лексических единиц и понятий как *мужчина* и *женщина*, *женственность* и *мужественность*, *женственный* и *мужественный*, показывает, что сложность лексикографического отражения их генерализующей функции как когнитивных феноменов соотносима с проблемой презентации модели культурного концепта. Особо контрастно этот аспект выявляется при сопоставлении данных лексикографического описания различных языков.

Иными словами, гендерная лексикография ещё требует значительных усилий для выявления, сопоставления и возможного устранения зафиксированного словарями разных языков асимметричного представления ряда основополагающих культурных концептов в их соотнесенности со временем.

Как известно, в процессе развития языка происходит как его «естественная», так и «искусственная» стандартизация. Первая имеет место при одновременном возникновении определённых коммуникативных потребно-

стей общества и отсутствию языковых средств их осуществления. Вторая отражает рассогласование указанных факторов и искусственно созданную необходимость заданной разработки новых функциональных средств. Все нестандартные формы языка являются результатом действия первой, тогда как большинство литературных европейских языков в разные периоды своего развития (в основном, это XVIII-XIX вв.) проходили этап заданного «нормирования» лексических, синтаксических, стилистических средств.

Во второй половине XX в. в этот процесс активно включились лингвисты-гендерологи. Их исследования словарного состава немецкого, английского, русского языков показали асимметричность каждого относительно титульных и профессиональных наименований мужчин и женщин, использования общеродового множественного числа существительных и местоимений, а также повсеместную замену «человека» «мужчиной» – как, напр., *A man is God's creation; ein Mann von der Feder; der gemeine Mann; when crossing the street with a child hold him by the hand etc.*

Самоутверждение женщины через профессиональную деятельность породило необходимость появления соответствующих наименований, референциально соотносимых с лицом женского пола, что, в свою очередь, активизировало инновационные процессы в области как суффиксального (немецкий язык), так и семантического (английский язык) словообразования, т.е. устранение (нейтрализацию) номинативно-оценочной асимметрии языковых образов мужчины и женщины.

Именно этим занимается прескриптивная гендерная лингвистика, предложившая термин *splitting* (нем. *das Splitting*, русск. *сплиттинг*) – введение симметричных форм мужских/женских наименований лиц, титулов, профессий (*advokat/advokateцца; Professor/Professorin; businessman/businesswoman*), наряду с использованием форм «включённых» (*inclusive*) и гендерно-нейтральных (*gender-neutral*), т.е. обозначающих лиц обоих полов (*человек, person, human being*).

За последние пятьдесят лет официальные документы, реклама, журналистика, рынок трудоустройства Германии, Австрии, Швейцарии ввели существенные изменения в профессиональные обозначения мужчин и женщин, пользуясь, прежде всего, методом сплиттинга (расщепления).

Пионером в этой области выступили И. Гюнтеродт и З. Трёммель-Плётц, первые представительницы немецкой феминистской лингвистики, в статьях которых были эксплицированы причины словарной асимметрии и предложены пути их устранения. Так, по их мнению, лингвистический сексизм в группе наименований профессий для женщин имеет место в тех случаях, когда:

- Игнорируются женщины и их достижения: напр. множ. число «учителей», независимо от пола, *die Lehrer*. Авторы предлагают инклюзивную альтернативу – *die Lehrerinnen und die Lehrer* → *die Lehrkräfte*.
- Подчёркивается зависимое или подчинённое положение женщины по отношению к мужчине: *Bundespräsident Scheel u. Ehefrau Mildred*. Альтернатива – *Bundespräsident Scheel u. Seine Frau, Dr. Scheel*.
- Женщина показана в типично подчинённых, «вторых» социальных ро-

лях: *Hans Müller ist Generaldirektor, seine Frau ist Kindergärtnerin*. Альтернатива – *Frau Dr. Lindner ist Mikrobiologin, ihr Mann ist Volksschullehrer*.

- Формируется представление о социальной ущербности незамужней женщины за счёт форманта *-fräulein: Tippfräulein*. Альтернатива – *Stenotypistin, Sekretärin* (Guentherodt 1979: 128-130).

С анализом ситуации и прескрипциями по устранению гендерной асимметрии во всех областях профессиональной и общественной деятельности выступили и другие известные немецкие лингвисты – Р. Водак, Х. Бикес и М. Бруннер, С. Мюллер и К. Фукс и мн. др.

Наиболее радикальной в своих предложениях оказалась уже упоминавшаяся Л. Пуш, которая настаивает либо на изъятии женского суффикса *-in* и возможности построения фразы *Sie ist Student*, либо на расширении формы *Studentinnen* на обозначение студентов обоего пола (*männliche und weibliche Studierende*) (Pusch 1990: 92-97). В этом же ключе выдержано требование использовать женский род существительного *der Star (die Starin)* применительно к звёздам шоу-бизнеса – женщинам. Для сохранения гендерной симметричности во множественном числе предлагается графическое выделение: *an alle StudentInnen; KrankenpflegerInnen* (от *Krankenschwester*); *HausassistentInnen* (от *Hausmädchen*). Симметрично используются обозначения функциональных обязанностей и титулов: *Kaufmann* → *Kaufmann/Kauffrau*; *Putzfrau* → *BodenpflegerIn*; *Herr Müller und Gattin* → *Herr Müller und Frau Müller*.

Отдавая должное успехам прескриптивной деятельности немецкой гендерной лингвистики, следует сказать и о том, что столь тотальная феминизация (*totale Feminisierung*) вызывает не только поддержку, но и критику.

Феминистская прескриптивная деятельность в пределах английского языка была ещё более активной, чем в немецком, что позволило представителям разных наук США говорить о *языковом повороте (linguistic turn)* во всех сферах общественной жизни. Наряду с терминами *gender, sexism*, без изменения вошедшими в своей англоязычной форме в немецкий и французский языки, и калькированными в русском, *linguistic turn (языковой/лингвистический поворот)* подчёркивает роль языка в моделировании социальной действительности. Разрабатывая эту идею, исследовательницы исходят из гипотезы лингвистического детерминизма Сепира-Уорфа. Последняя, в свою очередь, восходит к германисту конца XVIII – нач. XIX в. К.-В. фон Гумбольдту и американскому антропологу Ф. Боасу, учеником которого был один из авторов гипотезы – Э. Сепир, в 1921 г. опубликовавший «Язык: Введение к исследованию речи». Присоединившийся к его идеям Б. Уорф выступил со своим исследованием через 10 лет. Совместно разработанная ими теория объявляла «иллюзией представление о том, что язык формируется реальностью, ибо то, что называется «реальным миром», отражает языковые навыки социума» (Sapir 1958: 69). «Мы расчленяем (*dissect*) природу по направлениям, проложенным родным языком» (Whorf 1976: 213).

Именно язык, по их мнению, определяет границы нашего мира, а «язык не нейтрален. Это не просто транспортное средство, которое перевозит наши мысли. По своей сути, это устройство, их формирующее, (...) и один

из принципов, который был закодирован в нашем языке и в сознании, – это принцип сексизма» (Спендер 2001: 776-777)¹. Следовательно, язык и дискурс принимают активное участие в моделировании культуры социума. Связанное с полом знание умножается и используется, в связи с чем речевая коммуникация о *поле* превращается в *создание гендера – doing gender*, и этот процесс можно регулировать.

Следовательно, чтобы изменить андроцентрическую (сексистскую) точку зрения на мир, следует «исправить» язык: он должен представлять оба пола симметрично, рассуждают последовательницы теории лингвистического детерминизма и предлагают язык гендерно-нейтральный (преимущественно в США) или гендерно-симметризованный (преимущественно в Германии). Так, общеродовое *man* заменяется лексемой *person (people)*, что имеет место даже в изданиях Библии последних 10 лет; происходят аналогичные замены и в сложных словах, и сегодня *chairman, postman/mailman, spokesman* и в СМИ, и в словарях представлены со вторым компонентом *-person; stuardess* становится *flight-attendant; head-mistress – headteacher; fireman – firefighter; policeman – police officer; manpower – personnel* и под.

Личное местоимение *he* в общеродовом употреблении заменяется одним из вариантов: *they; he/she; he or she; (s)he*. То же происходит с соответствующими притяжательными местоимениями. Распространённое почти до конца XX в. обозначение супружеской пары (в прессе, адресации конверта, приглашения) *Mr. & Mrs. John Brown*, где у женщины не было даже своего имени, практически вышло из употребления. Титульные *Miss* и *Mrs.*, различавшие незамужнюю и замужнюю женщину, заменились единым *Ms.*, которое впоследствии стало названием популярнейшего женского журнала в США. В 80-х – 90-х гг. в США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии на Советах университетов, учительских и религиозных форумах принимаются решения «очистить язык от сексизмов». То же сделано во Франции, где в 1998 г. был издан правительственный циркуляр об установлении гендерной симметрии в наименовании профессий, титулов, степеней и постов, за которым последовала публикация специального «Руководства». В 1999 г. вышли аналогичные рекомендации ЮНЕСКО и «Указания» ряда американских университетов.

Выводы

Иными словами, историко-социальная составляющая «отдельности» женского языка, которая отражает андроцентричность общественного устройства, несомненно сыграла значительную, но не единственную роль в становлении женской речи. Именно это понимание поликаузальности существования разных гендерлектов направляет развитие гендерной лингвистики в XXI в. Её достижения несомненны: в обоих своих главных направлениях – словарно-языковом и коммуникативно-речевом она не только привлекла внимание к одному из важнейших феноменов, обеспечивающих

¹ Оригинальное название работы Дейл Спендер *Man Made Language* имеет двойное прочтение: «Мужчина создал язык», как предлагает перевод, и «Язык ненатуральный»: изделия из искусственных материалов (заменителей натуральной кожи, меха, древесины и т.д.) маркированы *man made*.

существование и развитие человечества – языку/речи, но и продолжает активные поиски новых фактов, раскрывающих понятие «гендер как интригу познания» [7, 9]. Соглашаясь с необходимостью более взвешенного подхода к феномену «мужское/женское» в обществе и в языке, отметим при этом несомненные заслуги феминистского движения, приведшие к пересмотру гендерных стереотипов, доминировавших в социуме, сознании и культуре на протяжении всего развития человечества.

Список литературы:

- Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000. 395 с.
- Задорожний Б.М. Проблеми загального і германського мовознавства: Зб. праць. Львів: ЛНУ ім. І. Франка. 2000. 250 с.
- Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер. Язык. Культура. Коммуникация. Докл. 2-ой межд. конф. М.: МГЛУ, 2002. С. 5-14.
- Кирилина А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. №3. С. 18-27.
- Красавский Н.А., Кирнос И.М. Образ женщины в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Языковая личность: культурные концепты / Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1996. С. 48-56.
- Спендер Д. Мужчина создал язык // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001. С. 775-783.
- Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания / Сост. А.В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. С. 9-18.
- Edelski C. Zwei unterschiedliche Weisen, das Wort zu haben // Gewalt zur Sprache / Hrsg. Von Trömmel-Plötz. Frankfurt a. Main.: Fischer Taschenbuch Vlg., 1991. S. 323-333.
- Fink-Hemmler R. 5005 Redensarten und Sprichwörter. Das treffende Wort für alle Lebenslagen. – Bindlach: Gondrom Vlg., 1996. 640 S.
- Guentherodt I. Berufsbezeichnungen für Frauen // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. 1979. Beiheft 3. S. 126-152.
- Irigaray L. Women's Exile (Interview) // Ideology and Consciousness. 1977. №1. P. 62-76.
- Lakoff R. Language and Woman's Place. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. 83 p.
- Martyna W. What does "he" mean? Use of the generic masculine // Journal of communication. 1978. № 28(1). P. 131-138.
- Pusch L.F. Alle Menschen werden Schwestern: feministische Sprachkritik. Frankfurt a/ Main.: Suhrkamp, 1990. 212 S.
- Pusch L.F. Das Deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt a/ Main.: Suhrkamp, 1991. 202 S.
- Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. N.Y.: Harvest Books, 1958. 252 S.
- Whorf B. Language, Thought and Reality. Cambr. MA: MIT Press, 1976. 290 p.
- Das große Redensartenbuch. Frankfurt a/ Main.: Suhrkamp, 1996. 804 S.

References

- Devkin, V.D. (2000). Oчерki po leksikografii. M.: Prometej.
- Zadorozhnij, B.M. (2000). Problemi zagal'nogo i germans'kogo movoznavstva: Zb. prac'. L'viv: LNU im. I. Franka.
- Kirilina, A.V. (2002). Gendernye issledovanija v otechestvennoj lingvistike: problemy, svjazannye s burnym razvitiem. In Gender. Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija. Dokl. 2-oj mezhd. konf. M.: MGLU, 5-14.
- Kirilina, A.V. (2000). O primenenii ponjatija gender v russkojazychnom lingvisticheskom opisanii // Filologicheskie nauki. №3, 18-27.
- Krasavskij, N.A., Kirnosov, I.M. (1996). Obraz zhenshhiny v poslovichno-pogovorochnom fonde nemeckogo jazyka. In Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty / Sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 48-56.

ДО ЮВІЛЕЮ Т.Д. ВЕРБИЦЬКОЇ

Spender, D. (2001). Muzhchina sozdal jazyk. In Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. II. Hrestomatija / Pod red. S. Zherebkina. Har'kov: HCGI; SPb: Aletejja, 775-783.

Haleeva, I.I. (2000). Gender kak intriga poznaniya. In Gender kak intriga poznaniya / Sost. A.V. Kirilina. M.: Rudomino, 9-18.

Edelski, C. (1991). Zwei unterschiedliche Weisen, das Wort zu haben. In/ Gewalt zur Sprache / Hrsg. Von Trömmel-Plötz. Frankfurt a. Main.: Fischer Taschenbuch Vlg., 323-333.

Fink-Hemslers, R. (1996). 5005 Redensarten und Sprichwörter. Das treffende Wort für alle Lebenslagen. Bindlach: Gondrom Vlg.

Guentherodt, I. (1979). Berufsbezeichnungen für Frauen. In Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. Beiheft 3, 126-152.

Irigaray, L. (1977). Women's Exile (Interview). In Ideology and Consciousness. №1, 62-76.

Lakoff, R. (1975). Language and Woman's Place. N.Y.: Harper Colophon Books.

Martyna, W. (1978). What does "he" mean? Use of the generic masculine. In Journal of communication. № 28(1), 131-138.

Pusch, L.F. (1990). Alle Menschen werden Schwestern: feministische Sprachkritik. Frankfurt a/ Main.: Suhrkamp.

Pusch, L.F. (1991). Das Deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt a/ Main.: Suhrkamp.

Sapir, E. (1958). Language: An Introduction to the Study of Speech. N.Y.: Harvest Books.

Whorf, B. (1976). Language, Thought and Reality. Cambr. MA: MIT Press.

Das große Redensartenbuch (1996). Frankfurt a/ Main: Suhrkamp.

Стаття надійшла до редакції 26.09.2019 року